

На правах рукописи

КОРОТКОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НЕ ВХОДЯЩИЕ
В ПАДЕЖНУЮ СИСТЕМУ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(чувашский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары - 2007

Диссертация выполнена на кафедре чувашского языка
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель: доктор филологических наук
профессор **Леонид Павлович Сергеев**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор **Николай Иванович Егоров**

кандидат филологических наук
Олег Ришатович Хисамов

Ведущая организация: Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова

Защита состоится **5 апреля 2007 г.** в на заседании диссертацион-
ного совета Д 212.081.12 в Казанском государственном университете им. В.И.
Ульянова-Ленина по адресу: 420008,
г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18 (2-ой корпус), ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета
им. В.И. Ульянова-Ленина

Автореферат разослан «...» марта 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Доктор филологических наук, профессор

Загидуллина Д.Ф.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Из всех единиц языка слово, словосочетание и предложение являются основными конструкциями, основными единицами, определяющими непосредственный смысл и содержание человеческой речи, реализуемой в наименовании, т.е. в назывании предметов, качеств, действий, состояний как явлений объективной действительности. В речи очень часто слово выходит за рамки чистой номинации, в результате чего в нем актуализируется ряд грамматических значений. При этом для выражения данных значений слово представляется в одной из присущих ему словоформ.

Грамматика исследует законы, по которым наши мысли принимают материальную, языковую оболочку. «Если сущность языка состоит в том, что он является орудием общения, то, следовательно, и природа, сущность любого компонента тоже определяются нуждами коммуникации, и каждое языковое средство может быть правильно познано только при условии, если мы в состоянии выяснить его место в механизме языка и характер его участия, роль в процессах речевой деятельности» (Касевич, 1983, 7-8). Отсюда видна та огромная роль коммуникативной функции в процессе создания языка, а, следовательно, и коммуникативных средств, без учета которых невозможно решить проблемы языка и мышления, взаимоотношения между языком и обществом.

Одним из основных коммуникативных средств, выражающих логичность мыслей, грамматические значения имен существительных, в тюркских языках являются падежные аффиксы. Категория падежа, позволяющая вскрыть коммуникативные функции языковых явлений, является одной из фундаментальных грамматических категорий имени. История изучения данной категории в языках различного грамматического строя свидетельствует о сложном ее характере. Изыскания известных тюркологов Н.К. Дмитриева, А.Н. Кононова, Б.А. Серебренникова, А.М. Щербака, Э.Р. Тенишева, Л.Ф. Благовой, С.Н. Иванова, В.Г. Гузева, Ф.А. Ганиева (см. их работы в библиографии) и ряда других внесли определенную ясность в решение ряда проблем категории падежа в тюркских языках.

В настоящей диссертационной работе предпринимается попытка продолжить одну из плодотворных традиций отечественного тюркского языкознания, заключающуюся в том, что достижения современной грамматической теории используются для истолкования языковедческого материала, представленного в грамматических формах имен существительных, не входящих в современную падежную систему чувашского языка. «Познание любого компонента языка – это, прежде всего, выяснение характера его участия, роли в процессах коммуникативной речевой деятельности, что предполагает и уяснение его места в языковом механизме» (Гузов, 1897, 4), – подчеркивает В.Г. Гузов, перечисляя основные положения функционально-семантического подхода к осмыслению лингвистических фактов тюркского языкового строя.

Известно, что в тюркологии, в чувашском языкознании в частности, категория склонения представляет собой одну из словоизменительных категорий. Наиболее полная и оригинальная концепция тюркской теории словоизменения раз-

работана В.Г. Гузовым (см. его работы в библиографии). Настоящее исследование прежде всего опирается на его теорию словоизменительных категорий, согласно которой словоизменение предстает как совокупность языковых средств, используемых при порождении речи для производства разнообразных словоформ (Гузов, 1987, 39).

Актуальность исследования обусловлена тем, что современные теоретические исследования и описательные научные грамматики реляционными аффиксами имен существительных считают лишь падежные аффиксы, аффикс множественного числа и аффиксы категории принадлежности. По нашим наблюдениям, в настоящее время, кроме признанных традиционной грамматикой, еще пятнадцать аффиксов, присоединяясь к основе имени существительного, образуют грамматические формы указанной части речи: *-лă(-лĕ), -лă (-лĕ), -ла(-ле), -лла(-лле), -алла(-елле), -и, -хи, -скер, -чен(-ччен), -серен, -семĕн, -лăх(-лĕх), -ăн(-ĕн, -н), -шар(-шер), -чĕ(-чĕ), -ах(-ех), -рах(-рех)*. Некоторые из них, будучи синтаксическими аффиксами, являются прежде всего «средствами передачи информации о связях между элементами объективной действительности» (Гузов, 1987, 102), выполняют типичную и специфичную падежную функцию, т.е. присоединяют имя существительное к другим словам (чаще – к глаголам, реже – к существительным). Некоторые из данных аффиксов являются морфологическими, так как участвуют в образовании какой-либо морфологической категории или морфологической формы. Они, следуя за основой существительного, придают ей дополнительное грамматическое значение, но не осуществляют связи между объектами.

Актуальность выбранной темы определяется еще и тем, что некоторые из перечисленных аффиксов (*-лă(-лĕ), -лă(-лĕ), -ла(-ле), -лла(-лле), -лăх(-лĕх), -чен(-ччен), -ăн(-ĕн, -н)*) безосновательно относятся традиционной грамматикой к продуктивным словообразовательным аффиксам прилагательных или наречий. Мы в настоящем исследовании словоформы с данными аффиксами считаем грамматическими формами имен существительных чувашского языка.

В настоящей работе также предпринимается попытка обогатить традиционную падежную систему чувашского языка двумя падежами – обладательным и уподобительным. Ибо, как показывают языковые факты, формы на *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)* и *-ла(-ле), -лла(-лле)* как по структуре, так и по значениям и выполняемой функции в современном состоянии языка стали падежными.

Таким образом, в чувашском языкознании исследование грамматических форм имен существительных необходимо для решения ряда неотложных практических и теоретических вопросов, к которым, в частности, относится отграничение существительных и прилагательных, существительных и наречий. Важно еще и то, что данное исследование вносит в определенной мере вклад и в общую тюркологию.

Несмотря на всю важность и актуальность данного вопроса, грамматические формы имен существительных до сих пор не стали объектом глубокого научного исследования, изучающего внутренние, глубинные системы фактов грамматического строя.

Вышесказанное предопределяет актуальность темы диссертации, которая при разъяснении грамматического материала опирается на функционально-

семантический подход и выполнена с привлечением большого количества лингвистического материала.

Объектом изучения стал чувашский общенациональный язык, представленный в произведениях современной художественной литературы и устного народного творчества. Привлекался материал, извлеченный из «Словаря чувашского языка» (I-XVII т.), а также других трудов Н.И. Ашмарина, из «Современного чувашского литературного языка» И.П. Павлова.

Предметом исследования выступают грамматические формы имен существительных, не входящие в падежную систему чувашского языка, в образовании которых участвуют как синтаксические, так и морфологические аффиксы.

Целью диссертации является, исходя из теоретических принципов функционально-семантического подхода, выявление морфологических и синтаксических аффиксов, всесторонний анализ особенностей грамматических форм имен существительных, стоящих вне падежной системы чувашского языка, а также обоснование правомерности выделения обладательного «пурлăх» и уподобительного «евёрлев» падежей в системе склонения имен существительных.

Для достижения цели были определены следующие **задачи**:

а) изучить и проследить историю исследования грамматических форм имен существительных в тюркологии (дореволюционный период) и в чувашском языкознании (послереволюционный период);

б) охарактеризовать понятия «грамматическая форма» и «грамматическая категория», дать по мере надобности общую характеристику традиционных словоизменительных категорий имен существительных чувашского языка;

в) выявить (учитывая предыдущие работы) и исследовать особенности всех грамматических форм имен существительных, не входящих в падежную систему чувашского языка;

г) на основе анализа накопленного фактического материала выявить и описать по возможности полно содержание грамматических значений синтаксических и морфологических аффиксов, образующих грамматические формы имен существительных;

д) произвести всесторонний анализ грамматических форм имен существительных с аффиксами *-лă(-лĕ)*, *-ллă(-ллĕ)* и *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)*, показать их синтаксическую функцию в предложении.

Методы исследования. Задачи, поставленные в настоящей работе, определили выбор методов исследования, которые ориентируются, с одной стороны, на богатую традицию синхронного изучения грамматического строя тюркских языков и, с другой стороны, на осмысление специфических особенностей грамматических форм имен существительных чувашского языка в функционально-семантическом аспекте. В соответствии с целями и задачами диссертации использовались описательный (при описании анализируемого материала, опирающегося на изучение и обобщение основных достижений современной лингвистической науки в области морфологического строя языка, и при анализе конкретного лингвистического материала), сравнительно-сопоставительный (при сопоставлении чувашского языка с другими тюркскими языками) и функциональный (при решении теоретических вопросов исследования грамматических форм имен существительных).

Научная новизна исследования определяется тем, что в ней:

– комплексно (в полном объеме) исследуются грамматические формы имен существительных чувашского языка с опорой на функционально-семантический подход;

– проводится разделение аффиксов имен существительных на синтаксические и морфологические, а также раскрываются особенности функционирования в языке каждого аффикса, участвующего в образовании многообразных грамматических форм имен существительных чувашского языка;

– на основе значительного фактического материала выявляется семантика синтаксических и морфологических аффиксов;

– на основе анализа приведенных в диссертации материалов устанавливаются две грамматические формы, которые по всем параметрам являются падежными показателями – обладательного «пурлăх» и уподобительного «евĕрлев».

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Традиционное включение в систему словоизменения имен существительных чувашского языка только категорий множественного числа, принадлежности и падежа лишь частично отражает многообразие грамматических форм данной части речи.

2. Синтаксическими аффиксами связи имен существительных с глаголами из внепадежных являются: *-ла(-ле), -лла(-лле), -алла(-елле), -чен(-ччен), -ăн(-ĕн, -н), -серен, -семĕн, -шар(-шер)*. Синтаксические аффиксы связи имен существительных с другими существительными – *-хи, -лă(-лĕ), -ллă(-ллĕ), -лăх (-лĕх)*.

3. На современном этапе *-ла(-ле), -лла(-лле)* и *-лă(-лĕ), -ллă(-ллĕ)* по своим функциям и значениям являются показателями уподобительного и обладательного падежей.

4. Морфологическими аффиксами имен существительных чувашского языка являются: *-и, -скер, -ах(-ех), -чĕ(-ччĕ), -рах(-рех)*.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что материал диссертации может быть использован при изучении курсов морфологии современного чувашского литературного языка, решении теоретических вопросов словообразования имен прилагательных и наречий. Материалы и теоретические положения, приводимые в работе, представляют несомненный научный интерес в плане сравнительного изучения морфологии тюркских языков.

Практическая ценность работы заключается в том, что изложенные теоретические выводы и наблюдения, а также фактический материал могут быть использованы при дальнейшей разработке теории частей речи, составлении школьных и вузовских учебных пособий по чувашскому языку. Также в результате исследования складывается цельное представление о грамматических формах имен существительных, не входящих в падежную систему чувашского языка.

Методологической базой исследования послужили теоретические положения общего языкознания, нашедшие отражение в трудах отечественных и зарубежных ученых: В.В. Виноградова, Е.Куриловича, В.М. Жирмунского, А.А. Реформатского, К.Е. Майтинской, Б.Н. Головина, Ф.М. Березина, Ч.Филломора, Р.Якобсона, Л.Х. Бэбби и других; теоретической базой настоящей работы являются также положения, высказанные в трудах известных тюркологов В.А. Бого-

родического, А.Н. Кононова, Н.К. Дмитриева, Э.В. Севортяна, А.М. Щербака, Н.А. Баскакова, Б.А. Серебренникова, Н.З. Гаджиевой, М.З. Закиева, Ф.А. Ганиева, Д.Г. Тумашевой, Н.И. Ирисова и других; видных чувашеведов Н.И. Ашмарина, Ф.Т. Тимофеева, В.Г. Егорова, А.И. Иванова, И.А. Андреева, Н.А. Андреева, И.П. Павлова, Л.П. Сергеева, Л.С. Левитской, В.И. Сергеева, В.А. Андреева и других.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования докладывались на Международной научной конференции (Чебоксары, 2006), на ежегодных научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава ФГОУ ВПО «Чувашская ГСХА» и ГОУ ВПО «ЧГПУ им. И.Я. Яковлева» (2004, 2005, 2006), на заседаниях кафедры чувашского языка ГОУ ВПО «ЧГПУ им. И.Я. Яковлева». Основные положения диссертации изложены в 9 публикациях.

Структура и объем диссертации определяются поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, 2 глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются предмет, объект, цель и задачи исследования, мотивируется выбор методов анализа исследуемого материала, раскрывается научная новизна исследования, ее теоретическая значимость и практическая ценность, формулируются положения, выносимые на защиту, представлены данные об апробации и структуре исследования.

Предлагаемая работа в исследовании грамматических форм имен существительных чувашского языка опирается на функционально-семантический подход, который считается одним из перспективных направлений в области изучения грамматического строя тюркских языков. В настоящее время большой интерес, на наш взгляд, представляют работы С.Н. Иванова, Г.Ф. Благовой, Д.М. Насилова, Э.А. Груниной, В.Г. Гузева, Н.Э. Гаджихмедова, М.З. Закиева, Ф.А. Ганиева, Д.Г. Тумашевой, В.И. Сергеева, В.А. Андреева и некоторых других, направленные на выяснение внутренних, скрытых от непосредственного наблюдения связей и отношений между разрозненными, на первый взгляд, элементами той или иной грамматической категории.

В первой главе **«История изучения грамматических форм имен существительных в тюркологии и в чувашском языкознании»**, состоящей из трех разделов, на основе анализа и систематизации специальной научно-теоретической литературы изложена история разработки интересующей нас проблемы в тюркологии и – более детально – в чувашском языкознании; рассматривается история формирования взглядов тюркологов и чувашеведов на природу грамматических форм и категорий имен существительных, дается характеристика понятий «грамматическая форма» и «грамматическая категория».

В разделе **«Понятие о грамматической форме и грамматической категории»** раскрывается сущность понятий «форма» и «категория».

Принимая во внимание то, что слово, выступая в речевой цепи, несет наряду с лексическим и грамматическое значение, в настоящей работе в трактовке одно-

го из рассматриваемых понятий мы солидарны прежде всего с В.Г. Адмони, предложившим следующее обобщенное определение: «грамматическая форма – это соединение лексического значения (или ряда лексических значений) с наплавающимся на него грамматическим значением (или целым комплексом таких значений)» (Адмони, 1988, 50).

Рассмотрев разные подходы к пониманию и исследованию грамматической формы и категории, в данной работе принимается постулат Ф.М. Березина и Б.Н. Головина, опирающийся на идеи А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, а также А.А. Реформатского и Ю.С. Маслова, считающих единицей грамматического механизма языка грамматические категории, о том, что «термину «грамматическая категория» может соответствовать 1) реальное языковое единство грамматического значения и формальных средств его выражения, 2) наиболее общее научное понятие, отражающее более или менее адекватное существо реально функционирующих в языке грамматических категорий» (Березин, Головин, 1979, 179).

В нашем исследовании мы также считаем, что «категория может состоять из некоего множества форм..., но может быть представлена и одной – обязательно автономной – формой, имеющей свое собственное значение» (Гузов, Насилов, 1981, 28), но при этом категориальными признаются только те грамматические формы имен существительных, которые «распространяются на все множество элементов той части речи, которой они свойственны, т.е. являются тотальными, универсальными» (Гузов, Насилов, 1981, 25; Сергеев, 2000, 9).

В число грамматических категорий имен существительных нами включаются: категория падежа, категория принадлежности, категория множественного числа, категория выделения, категория усиления, категория прошедшего времени, образуемые с помощью синтаксических или морфологических аффиксов. Грамматические же формы, представленные либо одной отдельной формой, либо совокупностью форм, характеризуются избирательностью употребления в пределах одной части речи (в данном случае имен существительных) и образуют направительную форму, форму сравнения, форму предельности, разделительную форму, форму частотности, форму назначения, форму образа действия.

Во втором разделе *«Из истории изучения грамматических форм имен существительных в тюркологии (дооктябрьский период)»* представлен обзор трудов по рассматриваемой проблематике в тюркологии.

История изучения грамматических форм имен существительных в тюркологии и в чувашском языкознании развивалась так, что в течение долгого времени (XIX – первая половина XX века) исследователи в основном занимались собиранием, регистрацией и систематизацией языковых фактов. Обзор первых работ, посвященных описанию грамматических форм имен существительных, показывает, что наиболее значительной чертой дооктябрьского периода является систематизация грамматических фактов тюркских языков и стремление проникнуть в особенности отдельных грамматических явлений.

Лучшие представители тюркского и чувашского языкознания еще в дореволюционный период пытались правильно объяснить материал изучаемого языка. Так, например, отдельные удачные решения, проникновение в суть явлений можем найти в работах М.А. Казем-Бека, О.Н. Бетлингга, В. Шота, Н.И. Золотниц-

кого, В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, Н.И. Ашмарина и некоторых других исследователей, творивших в прошлом.

Следует также отметить, что во всех трудах по грамматике находило отражение своеобразие категории числа и характеристика фактов, в которых оно проявляется. Одной из тенденций и вместе с тем характерных черт дооктябрьского периода в исследовании тюркских языков является включение в раздел об имени существительном параграфов о категории рода, являющегося примером прямой зависимости грамматик тюркских языков от чуждых им грамматических схем.

Также следует сказать, что на отмеченном этапе категория принадлежности в грамматиках еще не оформилась в виде отдельной категории, а включалась в разные разделы морфологии; в указанном периоде в тюркологии в целом возобладали линия практического и описательного изложения фактов этих языков, и только в трудах отдельных ученых встречаются попытки теоретического осмысления полученных результатов.

Исследование категории падежа в тюркологии имеет давнюю традицию, т.к. данная категория является одной из фундаментальных грамматических категорий имени. В чувашском языке падежные формы выделены уже в первых печатных грамматиках. В ряде тюркских языков падежная система состояла из шести-семи падежей, среди которых часто указывался звательный падеж. В падежной системе тюркских языков в дореволюционный период не только выискивались названия падежей, но и уточнялись их значения, достаточное внимание уделялось синтаксическим функциям падежей; но при этом даже в пределах одного языка исследователи отмечали разное количество падежей, отличающихся не только составом, но и терминологией.

Таким образом, начальный этап развития отечественного тюркского языкознания отмечен крупными достижениями, ознаменовавшими становление описательной грамматики тюркских языков (в указанный период были заложены основные описательные схемы тюркской грамматики), что подготовило собою современный этап развития тюркского языкознания. Также исследования дооктябрьского периода характеризуются постепенным отходом от представлений и понятий, концепций, выработанных, главным образом, на основе фактов индоевропейских языков, в первую очередь русского, и началом теоретического подхода к изучению грамматики тюркских языков, «стремлением систематизировать языковой материал, исходя из грамматического строя самого чувашского языка (шире - тюркских языков. – Н.Н.)» (Андреев, 2000, 17).

Грамматические формы имен существительных чувашского языка активно разрабатываются в послереволюционный период чувашскими учеными. Третий раздел первой главы *«Из истории изучения грамматических форм имен существительных в чувашском языкознании (послереволюционный период)»* посвящен обзору трудов по рассматриваемой проблематике.

В 20-е годы XX столетия в изучении чувашского языка начинается новый период – в исследовательскую работу широко начинают вовлекаться национальные кадры. В послеоктябрьский период (1919-1980 гг.) для чувашского языкознания характерно усиленное теоретическое изучение чувашского языка. Важную роль в этот период сыграли работы Т.М. Матвеева, Ф.Т. Тимофеева, В.Г.

Егорова, А.И. Иванова, Н.А. Андреева, И.А. Андреева, И.П. Павлова и других исследователей. Но, вместе с тем, к изучению и объяснению отдельных явлений как чувашской, так и тюркской грамматики некоторые языковеды все еще подходили с позиции «от известного и привычного, т.е. в сопоставлении изучаемых грамматических явлений с аналогичными или в чем-либо сходными фактами родного языка исследователя или же языка более изученных...» (Иванов, 1976, 56).

На данном этапе изучения чувашского языка исследования в области морфологии шли в основном по линии осмысления грамматических явлений, разработки важнейших морфологических категорий, в результате чего произошло оформление категории принадлежности, а также выделительной формы имен существительных в виде отдельной категории.

В послереволюционный период особый интерес в чувашеведении вызывает падежный вопрос. В выявлении и описании его формально-семантических, функциональных особенностей в лингвистике, как показывает анализ специальной научно-теоретической литературы, наблюдаются противоречия, поскольку решение проблемы падежа сопряжено с большими трудностями, имеющими субъективно-объективный характер. Определение количества падежей зависело и зависит как от учета языковых данных, так и от влияния лингвистической традиции, что не всегда позволяет правильно отразить парадигму склонения. «Едва ли имеется другая грамматическая категория, в понимании которой наблюдается такой разноречивой, как в понимании падежа, а между тем от решения вопроса о сущности этой категории зависят практические выводы, получающие свое отражение в описательных грамматиках различных языков при установлении количества падежей у имен и местоимений» (Майтинская, 1955, 226).

Не случайно в 50-е годы прошлого столетия разработка падежного вопроса явилась одной из наиболее спорных проблем грамматики чувашского языка. Дискуссия была открыта статьями А.И. Иванова в 1953 г. Исследователь, изучив и обобщив то, что было сказано до него по этому вопросу в лингвистической науке и в чувашском языкознании, подверг тщательному разбору укоренившуюся систему падежей и установил для чувашского языка восьмичленную падежную парадигму. Много споров среди не только чувашских языковедов, но и ведущих специалистов-тюркологов, а также нетюркологов вызвало выделение двух новых падежей – целевого «пирке» и отрицательного «суклăх» (в современных грамматиках – лишительный падеж).

В конечном счете, представленная А.И. Ивановым падежная система чувашского языка в виде восьми наименований: основного, родительного, дательного, винительного, местного, исходного, творительного, причинно-целевого и отрицательного падежей после широкого обсуждения в ходе дискуссии 1953-1955 гг. была встречена одобрительно. В той или иной степени ее поддержали такие крупные тюркологи, как Н.К. Дмитриев, Б.А. Серебренников, Е.И. Убрятова. При разграничении падежных показателей лингвисты руководствовались следующими принципами:

1) существительное с падежным аффиксом должно иметь предметное значение (семантический признак);

2) имя существительное с падежным аффиксом в предложении помимо других функций должно служить дополнением (синтаксический признак);

3) аффиксы, если они падежные, должны присоединяться ко всем существительным (морфологический признак);

4) имя существительное в том или ином падеже должно отвечать на один из парных местоименных вопросов: *кам?* *мён?* «*кто?* *что?*» (синтаксический признак);

5) падежные аффиксы должны подчиняться закону сингармонизма и правилам ударения (фонетический признак) (Ученые записки, 1955, 15).

На современном этапе именно парадигма из восьми наименований считается общепризнанной в чувашском языкознании. Но, как показывает анализ соответствующей научно-теоретической литературы и фактологического материала, в современном состоянии чувашского языка есть все основания дополнить падежную систему двумя, не признанными на данный момент традиционной грамматикой, новыми падежами – обладательным «*пурлăх*» и уподобительным «*евёрлев*».

В чувашском языкознании в рассматриваемый период открытым остается вопрос о статусе отыменных образований с аффиксами *-сăр(-сёр)*, *-лă(-лёр)*, *-лăх(-лёрх)*, *-чен(-ччен)*, *-серен* и некоторых других, стоящих за пределами падежной системы.

Подводя итог сказанному, вслед за С.Н. Ивановым, констатируем: «Вся колоссальная работа, осуществленная тюркологами (в том числе и чувашеоведами. – Н.Н.) в области внешней систематизации грамматических фактов с отдельными элементами проникновения в их внутреннюю систему, подготовили собою современный этап развития тюркского языкознания, когда перед последним встали проблемы создания подлинно научного «углубления» в целостность системы грамматического строя тюркских языков» (Иванов, 1976, 60).

Во второй главе «*Грамматические формы имен существительных*» осуществлено исследование системы грамматических форм и категорий имен существительных, стоящих вне падежной системы чувашского языка. Рационален функционально-семантический подход к лингвистическим фактам языка, так как грамматические формы и категории имен существительных с этой позиции трактуются как грамматические формы, с помощью которых в процессе выражения мысли в коммуникативном акте передается информация о связях между элементами объективной действительности, т.е. за основу берется синтаксическая функция, присущая лексемам в процессе выражения мысли.

В первом разделе рассматриваются понятия «словообразование», «словоизменение» и «формообразование», во втором – общая характеристика традиционных словоизменяющих категорий имен существительных чувашского языка.

Дискуссионный характер понятий «словоизменение», «словообразование» и «формообразование» в тюркском языкознании привел к тому, что один и тот же аффикс одними языковедами рассматривается как словообразовательный, другими – как словоизменяющий или формообразовательный. Часть аффиксов, относимых традиционной морфологией к словообразовательным, Н.А. Баскаковым названы аффиксами грамматического словообразования (Баскаков, 1952,

147-161), татарскими учеными М.З. Закиевым, Ф.А. Ганиевым – словоизменительными падежными аффиксами: *-лы(-ле)*, *-сыз(-сез)*, *-дагы(-деге)*, *-дай(-дей)*, *-ча(-че)* (Ф. А. Ганиев в число падежных аффиксов не включает *-ча(-че)*) (Закиев, 1964, 217; Ганиев, 1970, 79), А.М. Щербаком – промежуточными морфологическими образованиями (аффиксы *-ki /- ki*; формы обладания на *-lik / лук*; формы привативности на *-сiз/-суз...*, формы уменьшительности-ласкательности) (Щербак, 1977, 96-103). По мнению исследователя куманских языков М.А. Хабичева, аффиксами именного формообразования являются: «притяжательные *-ныкры*, *-ники...*, относительные *-дагры*, *-деги*, сравнительные *-ча*, *-че*, уподобительные *-лай*, *-лей*, *-дай*, *-дей*, уменьшительные *-чыкр*, *-чик*, *-чук*, *-чюк*, обладания *-лы*, *-ли*, *-лу*, *-лю*, привативные *-сыз*, *-сиз*, *-суз*, *-сюз*, сравнительной степени *-ыракр*, *-ирек...*» (Хабичев, 1989, 34). Вышеперечисленным аффиксам в чувашском языке соответствуют *-лă(-лĕ)*, *-сăр(-сĕр)*, *-ри*, *-ти*, *-чи*, *-хи*, *-ла(-ле)* и некоторые другие, в отношении которых в чувашском языкознании также не существует единого мнения.

Словоизменение имени существительного чувашского языка традиционно объединяет категорию числа, принадлежности и склонения, которые не раз становились объектом пристального внимания лингвистов. Форманты категории принадлежности в нашем исследовании отнесены к морфологическим аффиксам, так как они не передают связей между объектами, не участвуют в выражении синтаксических отношений между словами. Морфологические аффиксы принадлежности, выражая отношение между обладателем (лицом) и обладаемым (предметом), являются категориальными, так как они считаются универсальными.

Категория числа описана во всех нормативных грамматиках и грамматических изысканиях по чувашскому языку (см. Н.И. Ашмарин, 1898; И.А. Андреев, 1957; И.П. Павлов, 1965; Л.С. Левитская, 1976; Л.П. Сергеев, 1993; В.И. Сергеев, 1992). Наиболее полные сведения о структурно-семантической организации этой категории чувашского языка содержатся в специальном исследовании В.И. Сергеева (см. В.И. Сергеев, 1974). Этот же исследователь и в последующих изысканиях по чувашскому языку не оставляет без внимания данную категорию, уделяя все большее внимание глубинным, скрытым от непосредственного наблюдения свойствам категории множественности (см. В.И. Сергеев, 2002).

Формант *-сем* мы считаем синтаксическим аффиксом лишь в том случае, когда имя существительное во множественном числе является подлежащим (только тогда подлежащее и сказуемое согласуются в числе): *ачасем килчĕс*, *кайăксем юрласĕсĕ*, *занятисем вĕсленчĕс*. В остальных случаях (когда существительное во множественном числе не является подлежащим или же во множественном числе употреблена другая падежная форма) аффикс *-сем* не является синтаксическим.

Категория падежа в качестве типа словоизменительной категории характеризует имена существительные, а также субстантивированные части речи и представлена во всех современных тюркских языках (Гаджиева, 1997, 27-28). В лингвистической литературе вопрос о падежах занимает особое место ввиду сложности самой грамматической категории и наличия самых полярных подходов в ее классификации. Несмотря на наличие специальных исследований в этой

области, в целом ряде тюркских языков, в том числе и в чувашском (А.И. Иванов 1953, 1967, 1968), настоящая проблема до конца так и не решена.

Исходя из целей и задач предпринятого исследования, вопрос о количестве падежей в современном чувашском языке ставится во главу угла данной работы. Эти аспекты рассмотрены при исследовании некоторых грамматических форм имен существительных, которые на данный момент не признаны падежными.

Между тем дальнейшее исследование грамматических форм имен существительных показало, что традиционное включение в систему словоизменения имен существительных чувашского языка только категорий множественного числа, принадлежности и падежа лишь частично отражает многообразие грамматических форм данной части речи.

В третьем разделе **«Синтаксические аффиксы имен существительных»**, рассмотрены современная падежная система чувашского языка и аффиксы *-ла* (*-ле*), *-лла(-лле)*, *-алла(-елле)*, *-чен (-ччен)*, *-ӓн(-ӓн, -н)*, *-серен, -семӓн, -шар(-шер)*, *-ӓй(-ӓй)*, *-лӓй(-лӓй)*, *-лӓх(-лӓх)*, *-хи*.

Падежная система тюркских языков относится к древнейшему компоненту грамматического строя. Последний по времени анализ этой категории в чувашском языкознании принадлежит В.А. Андрееву, автору «Очерка по функциональной грамматике чувашского языка: категория склонения имени существительного» (2000). В данной работе исследователя, отличающейся высоким теоретическим уровнем, вслед за С.Н. Ивановым, анализировавшим системы склонения в староузбекском и современном турецком языках, предпринимается «попытка проследить в диалектическом единстве сложную противоречивость (многообразие) значений и функций падежных форм, образующих категорию склонения в современном чувашском языке» (Андреев, 2000, 143). В указанной работе языковед приходит к выводу, что общие значения каждой из падежных форм следует понимать не как общий семантический знаменатель всех ее частных значений, а как противоречивую двойственность значений, которая проявляется во вхождении каждого падежа в два ряда противопоставлений – малый и большой, обусловленные семантическими и синтаксическими основаниями.

Ряд интересных работ выполнен В.И. Сергеевым. Исследователь в своем учебном пособии «Именные части речи» (1994), позднее и в монографии «Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке» (2002) также не оставляет без внимания данную категорию.

В чувашском склонении после дискуссии 1953-1954 гг. хоть и установилась восьмичленная падежная система, но, по мнению М.Р. Федотова, вопрос о количестве падежей в чувашском языке продолжает оставаться все еще окончательно не установленным (Федотов, 1983, 26; Федотов, 1996, 186). В примечании своего труда «Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч.2.» исследователь совершенно справедливо замечает: «Чувашские школьные и другие грамматики, включив лишительный (= чув. *сукӓх*) в категорию падежей, оставили вне ее пределов *пурӓх* падеж (= башк. *барлык килеш*), не устранив при этом явной бессистемности» (Федотов, 1983, 27).

Все это говорит о том, что категория падежа продолжает оставаться одной из дискуссионных категорий современного чувашского языкознания, в которой, на наш взгляд, объем и содержание составляющих ее единиц подвержены изме-

нениям. В дальнейших рассуждениях мы попытались разрешить противоречия касательно сущности как предыдущих формантов, так и остальных аффиксов, образующих грамматические формы имен существительных.

Как справедливо отметил В.Г. Гузев, «если сущность языка заключается в том, что он орудие общения, то, следовательно, и сущность любого его компонента тоже определяется нуждами коммуникации, и каждое языковое средство может быть правильно познано только в том случае, если исследователь в состоянии установить его место в механизме языка и выяснить характер его участия в процессе речевой деятельности» (Гузев, 1985, 4). Таким образом, в диссертационной работе к исследованию грамматических форм имен существительных, аффиксов современной падежной системы чувашского языка мы подошли, прежде всего, как к «средствам передачи информации о связях между элементами объективной действительности» (Гузев, 1987, 102), т.е. рассматриваем все многообразие аффиксов имен существительных, исходя из их участия в процессе коммуникации.

Этот же раздел посвящен анализу следующих аффиксов имен существительных: *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)*, *-алла(-елле)*, *-чен (-ччен)*, *-ӓн(-ӓн, -н)*, *-серен*, *-семӓн*, *-шар(-шер)*, *-лӓ(-лӓ)*, *-ллӓ(-ллӓ)*, *-лӓх(-лӓх)*, *-хи*. На основе значительного фактического материала определяется семантика всех аффиксов, не входящих в падежную парадигму чувашского языка, выявляются их функции.

С отстаиваемых в настоящей работе позиций данные аффиксы, по нашему мнению, являются синтаксическими, т.к. они, выражая в речевом потоке синтаксические связи имен существительных с другими лексическими единицами – глаголами и именами существительными, в конечном итоге делают одно и то же – «оформляют именную основу в определенной синтаксической функции» (Андреев, 1969, 190). Коммуникативное предназначение данных аффиксов – выступать как «средство передачи информации о связях между элементами объективной действительности» (Гузев, 1987, 102). Рассматриваемые аффиксы образуют следующие грамматические формы имен существительных: направительную форму, форму предельности, форму образа действия, форму частотности, разделительную форму, форму достаточности, частично категорию выделения.

Грамматические формы имен существительных в первую очередь рассмотрены и исследованы в комплексе с глаголами, т.к. в тюркских языках, в том числе и в чувашском, основу грамматического строя образуют грамматические категории имени и глагола. Аффиксами связи имен существительных с глаголами, наряду с традиционными падежными показателями (*-ӓн(-ӓн)*, *-а(-е)*, *-та(-те)*, *-ра(-ре)*, *-тан(-тен)*, *-ран(-рен)*, *-па(-пе)*, *-сӓр(-сӓр)*, *-шӓн(-шӓн)*) являются непадежные формы на *-ла(-ле)*, *-лла(лле)*, *-алла(-елле)*, *-чен(-ччен)*, *-ӓн(-ӓн, -н)*, *-серен*, *-семӓн*, *-шар(-шер)*.

Также в диссертации некоторые из аффиксов, образующие грамматические формы имен существительных, рассматриваются как аффиксы связи имен существительных с другими существительными: падежные аффиксы *-ӓн(-ӓн)*, *-сӓр(-сӓр)*; непадежные аффиксы *-и*, *-хи*, *-лӓ(-лӓ)*, *-ллӓ(-ллӓ)*, *-лӓх(-лӓх)*. При этом аффиксы *-ла(-ле)*, *-лла(лле)*, *-лӓ(-лӓ)*, *-ллӓ(-ллӓ)*, *-лӓх(-лӓх)*, *-и* употребительны как при глаголе, так и при существительном, т.е. выступают средством связи имени существительного и с глаголом, и с существительным.

Поскольку одним из основных положений диссертации, выносимых на защиту, является аргументация падежного характера аффиксов *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)* и *-лă(-лĕ)*, *-ллă(-ллĕ)*, не случайно в данной работе именно этим аффиксам уделено первостепенное значение.

В чувашском языкознании по традиции аффикс *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)* относился к деривационным и считался формантом, образующим наречие от именных частей речи. В настоящем исследовании аргументируется необходимость отнесения к парадигме склонения чувашского языка форм с аффиксом *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)*, падежный характер которых, на наш взгляд, является наиболее бесспорным. Последние исследования показали, что имя существительное с формантом *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)* делает то же самое, что и падежные аффиксы – соединяет имя существительное с глаголом (и не только), т.е. передает связи между словами: Юрать юлташ-пĕлĕшĕсем к и в ç е н л е укça парасçĕ (С. Павлов. Сĕлкĕш); Кăмака çеç х у ç а л л а мăнаçланса ларать (С. Павлов. Сĕлкĕш);

Е, каласассăн хамăрла,

Вĕсем - пĕр йĕкĕр мăйăрла (Ю. Айдаш. Атнер);

Атнер вăранчĕ. С а л т а к л а вăл

Кĕç тирпейленчĕ хăпăл-хапăл (Ю. Айдаш. Атнер);

Пул паттăр е ахаль этем –

И д е а л л а хутшăнусем

Ачалăхăн анчах... (Ю. Айдаш. Атнер).

Вместе с тем имя существительное с аффиксом *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)*, выражая синтаксические функции, как и имена существительные с падежными аффиксами, не влияет на семантику существительного, т.е. имя существительное, снабженное аффиксом *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)*, вступая в синтаксическую связь, не изменяет своего лексического содержания.

Наряду с этим в пользу того, что формант *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)* не является словообразовательным, говорит и то, что этот аффикс, как и подобает словоизменительному, носит универсальный характер. Как известно, деривационные аффиксы могут присоединяться к ограниченному кругу слов с определенной семантикой. Аффикс же *-ла(-лле)*, *-лла(-лле)*, как показывает материал чувашского языка, являясь реляционным, может примыкать к любому имени существительному чувашского языка (подобно падежным) независимо от их семантики, т.е. круг его употребления словарно не ограничен. Как и традиционные падежные аффиксы, исследуемый формант присоединяется не только к именам существительным, но и к тем разрядам или формам слов, которые обладают способностью склоняться. Важным показателем падежного характера рассматриваемого аффикса является и то, что *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)* агглютинируется не только к основе имени, но, подобно любому падежному аффиксу, может находиться в позиции после аффиксов множественного числа, аффиксов принадлежности: *качакилле*, *Кавказрисемле*, *ваттисемле*.

Все изложенное свидетельствует о том, что рассматриваемый формант относится к синтаксическим показателям, как и любой падежный аффикс. На современном этапе *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)* по своей функции и значениям является не деривационным аффиксом, а показателем уподобительного падежа.

В настоящем исследовании также аргументируется необходимость рассматривания *-лă(-лĕ), -лĕлă(-лĕлĕ)* как одного из синтаксических аффиксов имен существительных, а также возможность отнесения форм с данным формантом к парадигме склонения.

Со всей определенностью можно сказать, что, если имя существительное, принимая исследуемый формант, не может употребляться с аффиксами сравнительной степени и быть в превосходной форме, речь может идти только о грамматической форме имени существительного. В словосочетаниях *кăтра сĕслĕ этем, чиркĕллĕ ял, уй куслă, кумлă пурăнатпăр, пĕрмеллĕ сăхман* упомянутый аффикс употребляется только для связи одного слова, словосочетания с другим, т.е., как и любой падежный аффикс, выражает синтаксические отношения между словами. Без аффикса *-лă(-лĕ), -лĕлă(-лĕлĕ)* в вышеприведенных примерах естественная связь слов нарушилась бы, конструкция потеряла бы свою целостность: *кăтра сĕс... этем, чиркĕ... ял, уй куç..., кум... пурăнатпăр, пĕрме... сăхман*. Следовательно, в указанных примерах аффикс *-лă(-лĕ), -лĕлă(-лĕлĕ)* не образует новую часть речи, а служит средством связи имени существительного с другим именем существительным и реже – с глаголом.

Являясь синтаксическим аффиксом в подобных примерах, аффикс *-лă(-лĕ), -лĕлă(-лĕлĕ)* не изменяет лексического, вещественного значения исходного слова, т.е., в отличие от процесса словообразования, не возникает образа иной реальности, иного элемента объективной действительности и в языке не появляется новая, отличная от производящей лексическая единица, а появляется словоформа, происходит «окказиональное сочетание знаков в речи» (Гузов, 1985, 8).

Таким образом, аффикс *-лă(-лĕ), -лĕлă(-лĕлĕ)* выражая главным образом значение обладания чем-либо, выполняет ту же функцию, что и падежные аффиксы, – является «средством передачи информации о связях между элементами объективной действительности» (Гузов, 1987, 102).

Полным подтверждением реляционного характера исследуемого форманта является то, что имя существительное с аффиксом *-лă(-лĕ), -лĕлă(-лĕлĕ)* нередко сохраняет такие морфологические показатели существительного, как аффикс множественного числа *-сем* и аффикс принадлежности 3-го лица *-и*: *вĕтĕ мар и ĕлсем лĕ сарлакарах тута-сăвар; шурă к о л о н н ĕсем лĕ нумай хутлă институт сурчĕ; кăвак синче херлĕ роза ч е ч е к с е м л ĕ тутăр; пĕчĕк п ĕ р т с е м л ĕ ялсем; кайăк ю р р и л л ĕ вăрман; утă к у п и с е м л ĕ сарлака улăх, авăнчăк к а р н и с с е м л ĕ сурт, кукар и ĕ р и и л л ĕ сывлăш, пуш в а к у н с е м л ĕ пуйăс, сăлтăр п а л л и л л ĕ сĕлĕк, хăнин вара сценари майăн, чĕкеç ч ĕ л х и л л ĕ пулмалла* и т.д. Хотя, конечно же, следует учитывать, что употребление существительного во множественном числе с аффиксом *-лă(-лĕ), -лĕлă(-лĕлĕ)* более характерно для чувашского языка второй половины XX века и современной художественной литературы.

Говоря о словоизменительной роли указанного аффикса, нельзя исключить и его словообразовательную функцию. В отдельных случаях словоформы на *-лă(-лĕ), -лĕлă(-лĕлĕ)* являются прилагательными, когда производящие основы в современном состоянии языка отдельно, самостоятельно не употребляются, т.е. исследуемый аффикс слился с производящей основой и перестал осмысливаться как аффикс: *вирлĕ, кирлĕ, хĕрлĕ, ĕслă, тĕрлĕ, путлĕ, аслă* и т.п. В других случаях

он выступает как словообразовательный аффикс при изменении формы на *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)* по степеням сравнения, т.к. один из основных категорий имени прилагательного –сравнительная степень: *вайлă – вайлăрах – чи вайлă, хисеплĕ – хисеплĕрех – чи хисеплĕ, илем – илемлĕ – илемлĕрех – чи илемлĕ* и т.д. В основном это возможно при употреблении указанного форманта с абстрактными именами. Бывают и исключения из данного правила: в языке есть примеры типа *йăмралă ял, сĕтлĕ ĕне, курăклă уй, вăрманлă вырăн, тусанлă çул, пĕлĕтлĕ çанталăк, укçалă каччă, чечеклĕ çаран* и т.п., в которых имена с предметным значением изменяются по степеням сравнения: *сĕтлĕрех ĕне, чи сĕтлĕ ĕне, курăклăрах уй, укçалăрах каччă, йывăçлăрах ял, чи йывăçлă ял* и т.д. По нашему мнению, в этих и подобных примерах аффикс *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)*, обозначающая избыточность качества предмета, также является словообразовательным.

Таким образом, аффикс *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)* в чувашском языке является полифункциональным, ибо, во-первых, он выступает как синтаксический аффикс, например, в словосочетаниях *Питай пуян ачисем пурте атă – пушмаклă, Питай пуян кинĕсем пурте кĕмĕл сулăллă, Питай пуян хĕрĕсем пурте кĕмĕл çĕрĕллĕ* (Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 3 том) исследуемый формант употребляется только для связи одного слова с другим; во-вторых, этот же аффикс является деривационным, когда изменяет вещественное значение исходной основы и употребляется с аффиксом сравнительной степени, например, в сочетаниях *чечеклĕ шур курка, аслă студент, вайлă çил, чаплă пурнăс* и т.д.

Нельзя также не обратить внимания на то, что имена существительные с аффиксом *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)* составляют семантические антонимичные пары с именами в лишительном падеже (аффикс *-сăр(-сĕр)*): *Ы вăлли – хĕрли хумханать, ы вăлсăр – хĕрсĕрри хурланать* (Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 5 том); *Кам ĕçлĕхлĕ – вăрманта, кам ĕçлĕхсĕр – кантурта* (Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 5 том);

Патшапала улпут канашласĕ

Çÿçлĕ пуçăма çÿçсĕр тăвасшăн,

Аслă çулпа кăларса ярасшăн (Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 3 том).

Также известно, что имя с аффиксом лишительного падежа при глаголе образует оппозицию имени существительному в творительном падеже: *ачасăр ут – ачапа ут*. Но существительное в лишительном падеже употребляется в позиции и перед другим именем (*ачасăр сын*), тогда лишительный падеж противопоставляется имени существительному с аффиксом *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)* – *ачалă сын*. В этих случаях существительное в лишительном падеже имеет значение «не обладающий предметом, выраженным производящей основой». Имя существительное с аффиксом *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)* имеет антонимичное значение «обладающий предметом, выраженным производящей основой». Так как аффикс лишительного падежа *-сăр(-сĕр)* образует оппозицию не только с творительным падежом, но и с формой на *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)*, будет логичным включить в парадигму склонения имя существительное с аффиксом *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)*, под термином «наличный» или «обладательный» падеж («пурлăх падежĕ»). Что касается ограниченного употребления рассматриваемого аффикса с существительными, то это не соответствует действительности. На наш взгляд, аффикс *-лă(-лĕ), -лă(-лĕ)*, относясь к синтаксическим аффиксам, является продуктивным, универсальным, т.е.

образует форму слов почти от всех возможных именных основ (исключая собственные имена и местоимения).

Неупотребительность аффикса *-лă(-лĕ), -ллă(-ллĕ)* с собственными именами и местоимениями объясняется следующим: в языке у собственных имен и местоимений в лишительном падеже со значением совершения действия без кого-либо уже есть противопоставление – аффикс творительного падежа со значением совершения действия с кем-либо. Это можно иллюстрировать следующими примерами: *Кольăсар кай - Кольăна кай, манпа лар - манăр лар* и др.

Таким образом, материал чувашского языка показывает, что аффикс *-лă(-лĕ), -ллă(-ллĕ)*, присоединяясь к существительным, может передавать связь между словами и выполняет типичную и специфичную падежную функцию, т.е. выступает в конечном счете как средство связи слов в предложении, является синтаксическим аффиксом.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что аффикс *-лă(-лĕ)*, присоединяясь к именам с предметным значением, образует словоформы, которые как по структуре, так и по значению и функции в современном состоянии чувашского языка стали падежными. Так как оппозицию лишительному падежу составляет не только творительный падеж с аффиксом *-на(-не), -нала(-неле)*, но и аффикс *-лă(-лĕ)*, а также на основе вышесказанного было бы логично включить эту форму в падежную систему чувашского языка под термином «обладательный падеж» (пурлăх падежĕ).

Раздел «**Морфологические аффиксы имен существительных**» посвящен анализу следующих аффиксов чувашского языка: *-скер, -и, -ах(-ех), -чĕ(-ччĕ), -рах(-рех)*. Данные аффиксы не осуществляют синтаксическую связь, не устанавливают отношений имен существительных к другим членам предложения, а лишь выражают морфологическую категорию или образуют грамматическую форму. Возьмем, к примеру, аффиксы категории принадлежности, которые, образуя грамматическую форму, не служат средством связи слов в предложении. В чувашском языкознании подобные аффиксы по традиции относятся к формообразующим. В нашем исследовании они, наряду с *-чĕ(-ччĕ), -ах(-ех), -рах(-рех), -и, -скер*, названы морфологическими аффиксами. Эта группа аффиксов, видоизменяя слово, хоть и привносит в его значение дополнительный грамматический оттенок, но не отрывает новую форму от лексического стержня имени существительного и в то же время не передает синтаксической связи между словами, «не выражает разных отношений одного и того же предмета мысли к другим» (Виноградов, 1952, 107). Например, аффикс *-чĕ(-ччĕ)*, присоединяясь к словоформам, в семантику слов привносит лишь дополнительный оттенок – значение прошедшего времени:

Сар пурçăн пек ç ү ç ĕ м ч ч ĕ ,

Çырла сăнь пек с ă н ă м ч ч ĕ ,

Вăлта хулли к ĕ л е т к е м ч ч ĕ –

Авăнать те хуçăлать,

Хăш шырланта вуртĕ-ши? (Чăваш халăх сăмахлăхĕ);

Пурçăн тутăр – п у р н ă ç ă м ч ч ĕ ,

Кĕмĕл çĕрĕ – ĕ м ĕ р ĕ м ч ч ĕ ,

Ылтăн çĕрĕ – к ă м ă л ă м ч ч ĕ (Чăваш халăх сăмахлăхĕ) и т.д.

Аффикс *-ax(-ex)*, выражая выделение имени существительного усилением, также не осуществляет синтаксическую связь: Шерккейён к ў р ш ё-а р ш и е х, мён тесен те, ҫурт-йёрсёр мар ав (Илпек Микулайё. Хура ҫăкăр); Ёынсем у ш к а н ё п е х сăрталла хăпарчĕс (Илпек Микулайё. Хура ҫăкăр); Мёнле-ха, п р и х у ч ё п е х аслă та хисеплĕ шутланакан Касмухха... (Н. Мранька. Ёмёр сакки сарлака); Килтех пĕлнĕ пулсан вунă т е н к и п е х илсе килĕттĕмёр (Н. Мранька. Ёмёр сакки сарлака) и т.д.

Аффикс *-рах(-рех)*, образуя сравнительную форму имен существительных, выражает значение ослабления качества предмета, иногда сравнение: Акатуине килекен ҫынсем хайсен лавёсене ҫырма хёрринчи йывăҫ хўттине х и р е р е х тухса тăран макасей келечĕ патне чарнă (Илпек Микулайё. Хура ҫăкăр). Павăл хай те а ч а р а х курăнатчĕ-ха салатака кайиччен... (А. Эшель. Тёттём каҫ); Аякран пăхма пит чипер, патёнче а р ҫ ы н л а р а х... (С. Павлов. Сёлкёш). Пăрăнăр кунтан, кетессерех, – пуҫепа сёлтрĕ Макşam (С. Павлов. Сёлкёш) и т.д.

Рассмотренные морфологические и синтаксические аффиксы в чувашском языке охватывают разное количество слов. Так, например, *-ax(-ex)* и *-чĕ(-ччĕ)* являются универсальными не только в пределах имени существительного, но и других частей речи, т.е. образуют категорию усиления и категорию прошедшего времени. В отличие от них *-рах(-рех)* присоединяется к ограниченному кругу имен существительных (характеризуется избирательностью употребления) и образует форму сравнения имен.

Таким образом, к выявлению и описанию функционально-семантических особенностей грамматических форм и категорий имен существительных, не входящих в падежную систему чувашского языка, мы подошли с двух позиций: во-первых, нами различаются синтаксические аффиксы, которые в свою очередь подразделяются на: а) аффиксы связи имен существительных с глаголами; б) аффиксы связи имен существительных с другими именами существительными; во-вторых, нами выделяется группа морфологических аффиксов, которые не передают связи между словами, не создают новых слов, а всего лишь, придавая имени существительному «добавочное грамматическое значение» (Хабичев, 1989, 34), образуют категории принадлежности, времени, усиления, а также форму сравнения. Морфологические аффиксы *-скер*, *-и* входят в категорию выделения.

В **заключении** излагаются основные выводы по исследованному материалу, обобщаются положения, рассмотренные во всех главах диссертации.

Таким образом, из вышесказанного следует, что в современном чувашском литературном языке, кроме традиционных (падежа, принадлежности, множественного числа), функционируют следующие грамматические формы имен существительных, не входящие в падежную систему чувашского языка:

- уподобительная форма;
- направительная форма;
- форма предельности;
- форма образа действия;
- форма частотности;
- разделительная форма;
- обладательная форма;
- форма достаточности;

- категория выделения;
- категория усиления;
- категория прошедшего времени;
- сравнительная форма.

Причем две из них, образованные присоединением аффиксов *-лă(-лĕ), -ллă(-ллĕ)* и *-ла(-ле), -лла(-лле)*, по своим функциям и значениям в современном состоянии языка являются падежными – формами обладательного и уподобительного падежей.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

В ведущем рецензируемом журнале ВАК:

1. Короткова, Н. Н. Падежный характер аффикса *-лă(-лĕ), -ллă(-ллĕ)* в чувашском языке / Н.Н. Короткова // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары, 2006. – № 5. – С. 132-140.

В различных научных сборниках:

2. Короткова, Н. Н. Заметки о грамматических формах имен существительных, не вошедших в падежную систему чувашского языка / Н.Н. Короткова // Труды Чувашской государственной сельскохозяйственной академии. Том XIX (часть 1). – Чебоксары : ЧГСХА, 2004. – С. 11-14.
3. Короткова, Н. Н. Заметки о грамматических формах имен существительных чувашского языка / Н.Н. Короткова // Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов Чувашской государственной сельскохозяйственной академии. Том XX. – Чебоксары : ЧГСХА, 2005. – С. 18-21.
4. Короткова, Н. Н. Из истории изучения грамматических форм имен существительных в тюркологии (дооктябрьский период) / Н.Н. Короткова // Чувашский язык и литература. Теория и методика: сборник научных статей на чувашском и русском языках. Выпуск III. – Чебоксары : ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2005. – С. 23-30.
5. Короткова, Н. Н. Заметки об уподобительной форме имен существительных чувашского языка / Н.Н. Короткова // Научно-информационный вестник докторантов, аспирантов, студентов / ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. - 2006. №1(7). – С. 98-102.
6. Короткова, Н. Н. Заметки о выделительной форме имен существительных чувашского языка / Н.Н. Короткова // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Проблемы языка и этноса на рубеже веков: материалы международной научной конференции. Том III. – Чебоксары : ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2006. – С. 76-86.
7. Короткова, Н. Н. Заметки об обладательной форме имен существительных чувашского языка / Н.Н. Короткова // Чувашский язык и литература. Теория и методика: сборник научных статей на чувашском и русском языках. Выпуск IV. – Чебоксары : ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2006. – С. 58-66.
8. Короткова, Н. Н. Форма достаточности и назначения имен существительных / Н.Н. Короткова // Чувашский язык и литература. Теория и методика: сборник научных статей на чувашском и русском языках. Выпуск IV. – Чебоксары : ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2006. – С. 66 -71.

9. Короткова, Н. Н. О некоторых морфологических аффиксах имен существительных чувашского языка / Н.Н. Короткова // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этические: сборник научных статей. В 3 ч. Ч. II. – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2006. – С. 169-172.

